

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

IX

**История русского языка и культуры
Памяти Виктора Марковича Живова**

Главный редактор А. М. Молдован

МОСКВА
2016

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 9. История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова.— М., 2016. 536 с.
ISSN 2311-150X

Издание основано в 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

А. А. Пичхадзе, д. филол. наук (Москва, Россия);
Ю. В. Кагарлицкий, к. филол. наук (Москва, Россия).

Адрес редакции:
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Издательство зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57258

©Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
©Авторы

Р. Н. Кривко

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)*

ОРФОГРАФИЯ РУКОПИСИ КАК СВИДЕТЕЛЬ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ*

В статье рассматриваются возможности графико-орфографического анализа письменных памятников для изучения истории текста, свидетелями которой являются эти памятники. В связи с тем, что автономный письменный узус памятника относится к области контролируемой языковой рефлексии, регулярные и нормативные явления, определяющие собой графико-орфографический узус писца или школы, не могут служить инструментом текстологической реконструкции. Таковыми являются графико-орфографические «аномалии» — отступления от нормы и узуса, которые свидетельствуют о влиянии протографа и тем самым указывают на предшествующие звенья текстологической традиции. В статье доказывается, что графико-орфографические моравизмы в ряде памятников старославянского корпуса и в гимнографических текстах Климента Охридского и Константина Болгарского отражают не прямое воздействие со стороны моравского языкового и текстологического пласта, а определяют диапазон языкового варьирования письменной традиции западных регионов Первого Болгарского царства, который допускал употребление как западно-, так и южнославянских фонетических элементов. На основе графико-орфографических и фонетических особенностей рукописей древневосточноболгарского происхождения доказывается отсутствие связи между орфографией Путятиной минеи и Преславской книжной школой и обосновывается преемственность этого древненовгородского книжного памятника по отношению к письменной традиции западных регионов Первого Болгарского царства. В статье также установлен параллелизм между некоторыми редкими

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования по проекту №16-01-0092 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

графико-орфографическими явлениями, свойственными древним церковнославянским рукописям юго-западного происхождения, и древними восточнославянскими служебными минеями.

Ключевые слова: древний церковнославянский язык, старославянский язык, древнерусский язык, история русского языка, древняя кириллическая орфография, текстология, история и критика текста, письменность Первого Болгарского царства.

1. Предварительные замечания

Сформулированная в работах Н.Н. Дурново проблематика изучения древнерусских книжных памятников как источников по истории старославянского языка [Дурново 2000/1924–1927] получила развитие в исследованиях В.М. Живова [2006], посвященных древнему восточнославянскому правописанию. Как кажется, в связи с этими исследованиями сложилась восходящая к работам Пражской школы¹ идея В.М. Живова [1998] об автономности письменного узуса, независимого от устной речи. Поскольку автономный книжный письменный узус — контролируемая область культурной рефлексии, текстологическая значимость языковых явлений, образующих содержание этого узуса, ничтожна: выбор узуальных языковых вариантов определяется не влиянием протографа как представителя более раннего звена текстологической традиции, а «тем (разновременным) корпусом текстов, из чтения которых складывается языковой опыт данного поколения пишущих» [Там же: 235]. Так, например, для некоторых древнерусских переводных памятников убедительно доказана преемственность их лексического узуса по отношению к письменности древнезападноболгарского (македонского) языкового ареала [Пичхадзе 2011], что не доказывает наличия древнеболгарского этапа в истории их текста.

Для реконструкции текстологической преемственности имеют значение не узуальные, а «аномальные» языковые явления, т.е. отклонения от письменного узуса определенного регистра определенной эпохи. Так, соотношение архаизмов или языковых, в том числе диалектных, инноваций представляет интерес не только для

¹ [Vachek 1964/1939: 441–442]: «Es wird ein Verdienst des [...] Prof. Agenor Artymovič bleiben, daß er in seinen Abhandlungen auf die Tatsache hingewiesen hat, „daß die Schrift jeder sog. Schriftsprache ein besonderes autonomes System bildet, zum Teil unabhängig von der eigentlichen gesprochenen Sprache“ [...] Unter der geschriebenen Sprache verstehen wir eine Norm, oder besser ein System von graphischen [...] Mitteln, die innerhalb einer Gemeinschaft als Norm anerkannt werden [...] Besonders muß man sich davor hüten, die geschriebene Sprache mit der „Schrift“ oder gar „Orthographie“ zu vermischen [...] Die Orthographie [...] ist eine Art Brücke zwischen zwei Sprachsystemen, der geschriebenen und der gesprochenen Sprache, eine Summe von Entsprechungen einzelner Bestandteile beider Sprachsysteme» и т.д.; противопоставление «письменного языка» и «устной речи» описывается далее в терминах сосюрховской оппозиции «языка» и «речи», «langue» и «parole»; [Ibid.: 448]: «Es wird zunächst unbedingt notwendig sein, „die geschriebene Sprache“ [„la langue écrite“] und „die gesprochene Sprache“ [„la langue parlée“] als zwei besondere Normensysteme zu unterscheiden. Die [...] Bezeichnung „die Sprache“ [„la langue“] [...] bezeichnet keine abstrakte, universale Norm, sondern die Summe beider oben besprochenen Normen, die ja dadurch miteinander verknüpft sind».

исторической грамматики, но и для датировки текста (особенно в тех случаях, когда свидетели этого текста датируются заведомо более поздним временем), а диалектизмы могут указывать на региональный идиом, внутри которого бытовала традиция текста.

2. Фонетические моравизмы в старославянском корпусе: памятники южнославянского происхождения

Хорошо известно о наличии графико-орфографических «аномалий» в церковнославянских письменных памятниках, отражающих региональные явления в исторической фонетике славянских языков. Так, в южнославянских Мариинском евангелии, Синайской псалтири и Клоцовом сборнике отмечена западнославянская рефлексация сочетаний *dj, *tj:

«РОЗЪБТВА usw. mt. 14, 6 Mar. Cloz. 877. 879... Ähnlich in НЕВЪЗЕСТВА Ps. 24, 7... und in der Mischform ВИЗЖЪ ‘sieh’ io. 20, 27 Mar... Ähnlich findet sich das westslav. c statt aksl. št ausnahmsweise in ОСВАЦЕ Ps. 29, 1» [Diels 1932: 131]².

Эти написания как будто указывают на моравско-паннонское (кирилло-мефодиевское) происхождение текста рукописей, хотя сами памятники были созданы на юго-западе древнеславянского языкового ареала. Указанным графико-фонетическим явлениям традиционно не придается большого значения, поскольку архаический пласт в Мариинском евангелии, Клоцовом сборнике и Синайской псалтири хорошо определяется благодаря данным лексики, грамматики (эти памятники являются наиболее консервативными и древними среди рукописей

² [Schaeken, Birnbaum 1999: 95, 97–98, 105, 107] (обзор основных языковых особенностей Мариинского евангелия и Синайского евхология, на которых основана моравско-паннонская локализация их текста, и соответствующая литература; там же замечание к истории Синайского евхология: «Einige aus dem Althochdeutschen und Lateinischen übersetzte Abschnitte [...] deuten auf einen zumindest teilweisen Ursprung des Textes aus der zweiten Heimat des Altkirchenslavischen»; в терминологии авторов цитаты *вторая родина* «des Altkirchenslavischen» — Моравия и Паннония), [Ibid.: 98] (о Мариинском евангелии: «Einige Sprachmerkmale (darunter etwa *ou* statt *ъ*, *ѣ*, wohl auch *u* für *ѣ*) ... sind wohl als Serbismen zu werten und deuten vielleicht auf eine nördliche Herkunft innerhalb des west-bulgarischen Sprachraums»); [Ван-Вейк 1957: 205] (об отражении в Мариинском евангелии языковых особенностей болгарских говоров с сербским влиянием; «болгарскими» в терминологии Н. Ван-Вейка называются также говоры на территории современной Македонии); [Трифуновић 2001: 19] (известные «гласовне особености поуздано сведоче да је глагољско Маријино еванђеље морало настати... на српском штокавском подручју»); [Младеновић 2003] (о вероятном написании Мариинского евангелия на территории славянских говоров современной северной Македонии или юго-восточной Сербии); [Грковић-Мејџор 2011: 46 (литература), 46–47] (о македонском, или древнезападноболгарском, оригинале Мариинского евангелия, о чем свидетельствуют случаи вокализации ѣ в о: «Неспорно је, дакле, да је предложак или архипредложак МЈ македонско дијалекатског порекла, а његов примарни извор био би Охридска школа, из које су се преко климентске црквене организације књиге шириле и у српске земље»), [Ibid.: 48] (обзор языковых особенностей Мариинского евангелия, свидетельствующих о его создании на территории древних юго-восточносербских говоров).

старославянского корпуса [Reinhart 2002: 141]) и собственно текстологии. Естественно поэтому предполагать, что единичные фонетические моравизмы Мариинского евангелия, Клоцова сборника и Синайской псалтири восходят к архетипам этих памятников и отражают моравско-паннонский языковой пласт второй половины IX в.

3. К диалектным особенностям Мариинского евангелия, Клоцова сборника и Синайской псалтири

Фонетические особенности Мариинского евангелия, Клоцова сборника и Синайской псалтири позволяют определить диалектный ареал, в котором были созданы эти рукописи. Важнейшим локализирующим признаком является деназализация $\rho \rightarrow u$ (графически — мена ѣ и ou)³, известная не только в штокавских и южночакавских (далматских) сербскохорватских говорах, но и в западной и северо-западной диалектной зоне македонского ареала [Koneski, Vidoeski 1983: 120; Младеновић 2003: 16–17]. Столь же выразительная диалектная особенность — позиционно обусловленный переход $y \rightarrow i$, с разной интенсивностью надежно зафиксированный для эпохи старославянского корпуса только в этих трех рукописях [von Arnim 1930: 128; Diels 1932: 95, 108; Nuorluoto 1994: 34, 71; Младеновић 2003: 19]. Неразличение y и u наряду с отмеченным в этих же памятниках смешением ѣ и ѵ не в результате межслогового взаимодействия (ерового умлаута)⁴ свидетельствует, на наш взгляд, об утрате различий между тембром непалатальных согласных в позиции перед гласными переднего ряда, иными словами, о неразличении твердых и палатализованных (или «полумягких», или непалатализованных невелияризованных) согласных перед передними или непередними гласными [Кривко 2015, § 2.4 (литература)]. Палатальные согласные при этом сохраняются в диалекте писца Мариинского евангелия, о чем свидетельствует регулярное употребление диакритического знака «покрытия» только после букв исконно палатальных [Vondrák 1912: 327; Nuorluoto 1994: 112, 117]. В Синайской псалтири палатальные согласные sporadически обозначаются также с помощью «покрытия», которое не используется для обозначения других согласных⁵, в Клоцовом сборнике исконно палатальные

³ Мариинское евангелие: *ишедѣшию* (вин.п. ед.ч. ж.р.) Лк 8: 46, *дроугоуѣ* (вин.п. ед.ч. ж.р.) Лк 17: 35 и др. [Младеновић 2003: 11–12]; Клоцов сборник: *моука* 620, *ѣтробоу* 746 и др. [Вайан 2002: 57]; ср. [Diels 1932: 99] («Die Schreibung OY für ѣ ist im Cloz. häufig (die umgekehrte freilich selten), der Schluß, daß der Schreiber dieser Handschrift u für ρ gesprochen habe (wie heute unter den südslavischen Sprachen vor allem das Serbokroatische), wird wohl selten bestritten»); Синайская псалтирь: «на ню 1815 ... *имасию* 107b2 (statt *manasijō*) ... *пицю* 789 [von Arnim 1930: 76; Diels 1932: 98–100; Вайан 2002: 56–57 (обзор)].

⁴ [von Arnim 1930: 77, 79]: «In den Partien I, II, VI, XB wird *-ѵ sehr häufig, in VII ziemlich häufig, in IV immer, durch das Zeichen -ѵ wiedergegeben, dagegen nie in Partie V und selten in III, XA, XII (2) ... Der Schreiber B verwendet von Haus aus nur ѣ in allen Stellungen, das Zeichen ѵ im allgemeinen nur unter dem Einfluß seiner Vorlage».

⁵ [von Arnim 1930: 129]: «nur sporadisch in den altertümlichsten Partien der Schreiber B (X A) und C (XII) zur Verwendung kommt».

согласные графически не маркированы [Diels 1932: 50; Nuorluoto 1994: 118]. Таким образом, по меньшей мере для двух рукописей, Мариинского евангелия и Синайской псалтири, реконструируется тот тип противопоставления согласных по твердости — мягкости, который наблюдается, в частности, в сербскохорватском языке, где исконно палатальные согласные функционально противопоставлены непалатальным как мягкие твердым (ср. [Голстая 1977: 83–84]).

Возможно, к числу сербизмов Мариинского евангелия относится форма род.п. ед.ч. *сега ради* [Младеновић 2003: 13], если это написание не отражает графической ассимиляции под влиянием последующего слога. Малоубедительной кажется фонетическая интерпретация форм *оуорѣжъса* (Лк 11: 21) и *въсѣ оуселенѣѣ* (Лк 2: 1) Мариинского евангелия, в которых написание *оу* правомерно рассматривать как приставку *оу* со значением полноты действия, а не свидетельство раннего перехода *въ* (*wъ*) → *и*.

Общим юго-западнославянским явлением, в разной степени свойственным всем глаголическим рукописям, кроме Киевских листков, является вокализация *ъ* → *о*, *ь* → *е* [Младеновић 2003: 14–15]. Среди многочисленных примеров этой инновации примечательно ее отражение в формах с постпозитивным указательным местоимением типа *работъ*, *образоь* и т. д. [Ibid.: 15]: активное употребление постпозитивных указательных местоимений с функцией, подобной определенному артиклю, иногда безосновательно рассматривается как восточноболгаризм — инновация Преславской школы (см.: [Тихова 1995: 322–329]). Я. Грекович-Мейджор считает случаи вокализации *ъ* в *о* результатом влияния македонского (древнезападноболгарского) протографа Мариинского евангелия [Грковић-Мејдор 2011: 46–47].

Характерными диалектизмами Мариинского евангелия являются адъективные членные формы им.п. ед.ч. м.р. на *-ои* (типа *свѣтои*), известные в пределах старославянского корпуса только в Синайской псалтири, Синайском ехологии и Зографском евангелии [Diels 1932: 194]. За пределами древнейших рукописей такая форма отмечена в македонской Орбельской триоди (*всновавои*) [Пичхадзе 2010: 552], а из современных славянских говоров аналогичная рефлексация напряженного перед йотом засвидетельствована в серско-лагодинской группе южномакедонских и юго-восточномакедонских говоров, а также в примыкающих к ним славянских диалектах на территории северной Греции (к северу от Салоник) и Гóры — области на стыке юго-запада Метохии, северо-востока Албании и северо-запада Македонии⁶.

Диалектными, на наш взгляд, являются формы «*скврънѣштаа* Mat. 15.20, *милосрдовавъ* Mar. 9. 22, *оутрни* Mat. 6. 34, *крвъ* Mat. 16. 17. u. a. Es handelte sich hier schon um ein einfaches *r* ohne jegliche begleitende vokalische Elemente» [Vondrák 1912: 173]. В. Вондрак характеризует такие написания как «редкие»⁷, в классиче-

⁶ Примеры: [Милетич 1936; Конески 1981: 37; Steinke, Ylli 2010: 72–73, 78]; интерпретация: [Кривко 2015, § 4.4].

⁷ [Vondrák 1912: 173]: «Selten wird der Halbvokal, der allerdings damals schon überflüssig war, ausgelassen».

ских грамматиках А. Лескина и П. Дильса они не отмечены [Leskien 1969: 34–39; Diels 1932: 61–62], что заставляет предполагать в этих написаниях влияние локального южнославянского письменного узуса. Слоговой *r*, который отражают такие формы, характерен не только для современного сербскохорватского языка, но и для западной и северо-западной группы македонских говоров [Koneski, Vidoeski 1983: 120].

Наконец, отражением локального юго-западнославянского письменного узуса являются усеченные формы род.п. мн.ч. **i-* и **jo-* основ и тв.п. мн.ч. **jo-* основ (типа *люди, орѣжи*), отражающие стяжение слогов со слабым напряженным, отмеченные в Мариинском евангелии, Клоцовом сборнике, Синайской псалтири, а также в Ассеманиевом и Зографском евангелиях⁸.

Региональные языковые особенности Мариинского евангелия, которому в пределах старославянского корпуса наиболее близки Синайская псалтирь и Клоцов сборник, не соответствуют современному диалектному членению сербско-македонского ареала. Сочетание юго-западнославянских языковых черт позволяет, однако, выделить в пределах старославянского корпуса архаичный в отношении лексики, грамматики и текстологии подкорпус, который объединяет в себе языковые особенности современных сербских восточноштокавских и северо- и западномакедонских говоров: Мариинское евангелие, Клоцов сборник и Синайская псалтирь. Наличие графико-орфографических моравизмов как будто бы позволяет предполагать, что этот подкорпус сформировался под непосредственным влиянием моравско-паннонской традиции.

4. Фонетические моравизмы в текстах Климента Охридского, Наума Охридского и Константина Болгарского

Перечисленные выше фонетические и графико-орфографические особенности юго-восточносербского — северо-западномакедонского подкорпуса находят параллели в акростихах Климента Охридского и Константина Болгарского. К ним, возможно, относится замена *ы* на *и* в форме *поустин-* в акростихе канона прп. Евфимию Великому [Попов, Станчев 1988: 171; Попов 2003: 43], которая, на наш взгляд, едва ли свидетельствует о «приблизительном написании, о частной дифференциации, отходящей от нормы, которая лишь намечает диалектное начало

⁸ [Diels 1932: 161] («ЛЮДИ Cloz. 868; ПЕЧАТИ Cloz. 737. 738; ПѢТИ Ps. 54, 12 [wenn als Plur. gemeint]»), [Ibid.: 172, 173] (о формах род.п. мн.ч. **jo-* основ: «gpl. hat nebeneinander die Endungen -ЕИ und -ИИ, selten -БИ oder -И [...] -И in io. 4, 49 Zo. Ass. [vor l]. mt. 6, 15 Mar. [vor И]. io. 3, 2 Zo [...] ipl. hat neben -ИИ [-БИ] ganz selten die kontrahierte Form -И [...] aber -И in ОРѢЖИ Cloz 2, 157»), [Ibid.: 178] (о формах род.п. мн.ч. **i-* основ: «Im gpl. finden wir als häufigste Endung -ИИ [...] Gelegentlich findet sich -И, so ГѢСЛИ Cloz. 50f., МБСТІ Ps. 93, 1, vereinzelt wohl auch in den Evv., wo man bei -И gelegentlich im Zweifel ist, ob ein gsg. oder ein nachlässig geschriebener gpl. gemeint ist, vgl. mt. 24, 6. 8 Sav.»); [Mladenov 1929: 126]; [Вайан 2002: 120–121] («окончание род.п. мн.ч. *-и* имеет варианты *-ьи* [редко], *-еи* [часто] вследствие вокализации “ера”, *-и* [особенно в Клоцовом сборнике] вследствие стяжения»).

перехода $y > i$ » [Миклас 2003: 57]⁹. Сохранение в акростихах групп *ишч* в формах *нишчии* и *мошчии* в канонах Наума Охридского и, вероятно, также Климента Охридского [Попов 2003: 45] позволяет «думать о моравско-паннонском влиянии, как в случае сохранения у Климента Охридского *з* в примере *роз(в)ст(в)оу*» [Миклас 2003: 58, примеч. 58]. Примечательно, что в акростихах того же Климента, Константина Болгарского и анонимного автора их круга употребляются также формы с *шт* в соответствии с **stj* и **tj* — *поштением, поштите* — и с *жд* в соответствии с **dj*: *рождеством, рождество, подажд* (с понятным отсутствием *ь*, для которого невозможен акроним) [Попов 2003: 47, 49, 50], что отражает южнославянскую рефлексацию соответствующих праславянских форм. «Мы имеем дело здесь с примечательным фактом, что у трех представителей кирилло-мефодиевской школы, чья деятельность в Болгарии приходится на одно время, встречаются три в пространственном и временном смысле разных диалектных варианта релевантных этимологических групп! Такая вариативность показывает, что в данном случае поэтическая свобода определенно превалировала над языковым нормированием» [Миклас 2003: 60].

Иными словами, языковая норма первого после Кирилла и Мефодия поколения славянских авторов допускала широкий диапазон варьирования между западно- и южнославянскими (юго-западнославянскими) фонетическими формами. Это позволяет объяснить загадочное с графико-фонетической точки зрения написание *благошъбъцьныи* Учит. Ев. 57с (124), замеченное М. А. Тюренковой [2015: 31] в Учительном Евангелии Константина Болгарского, в оригинальном тексте Константина: *сказа тъ* [вм. *сказаетъ?* — Р. К.] *златословесъникъ съ · висоце* [так] *летми орълъ* [так; *ъ* во втором слоге — в абсолютном конце строки] *· и благошъбъцьныи · языкъ* и т. д. Эпитет *благошъбъцьныи* ‘благощебетный’ по отношению к орлу — Иоанну Златоусту является, возможно, поэтическим синонимом (именно синонимом, а не калькой) греческого *χρυσόστομος* ‘златоустый’¹⁰ и, будучи окказиональным неологизмом, сохранил в рукописной традиции необычный графико-фонетический облик, который коррелирует с уникальностью слова. В Учительном Евангелии Константина это слово встретилось еще раз, и тоже без греческой параллели, в авторском тексте Константина, на этот раз без необычного *ц*, но со столь же неожиданным *о* после *б* [Тюренкова 2015: 31]: *богъ... съзываетъ боголюбие ваше · пирьника приставивъ · златорѣчивааго сего · ластовицоу благошъботъноу* Учит. Ев. 88b (185). Ос-

⁹ Х. Миклас полагает, что если бы форма *поуштини* действительно отражала переход $y \rightarrow i$, то составители кириллицы «пренебрегли бы буквой Еры» [Миклас 2003: 57]. В древневосточно-болгарском ареале, где была создана кириллица, переход $y \rightarrow i$ не отмечается до XI в. включительно, насколько можно судить по данным Супрасльской рукописи и Саввиной книги. Полагаем, что форма *поуштини* отражает иной, юго-западный диалектный ареал, где такой переход состоялся раньше, или же она вообще не имеет фонетического значения: акроним для буквы *ы* был невозможен, в связи с чем для соответствующей буквы была выбрана словоформа, в начале которой находится второй элемент диграфа *ы* — *Источника* [Попов, Станчев 1988: 171 (текст гимна)].

¹⁰ Благодарю М. А. Бобрин за обсуждение этой лексемы.

нова *-щѣбот-* с фонетически не объяснимым в рукописи XI–XII вв. *o* после *b* не перед твердым согласным имеет параллели только в западнославянских лексемах — словц. *štebot, štebotaf*, в.-луж. *šćeботаć*, н.-луж. *šćabotaś* [ЭСРЯ IV: 497; ESJČ: 623], «*kde -ot bylo od počatku (jako loskot...), srov. třepot od třepetati apod.*» [ESJČ: 623].

Что же касается написания *ц* в *благощѣбъцъныи*, то оно объясняется как результат западнославянской рефлексии **tj → c (ć)*, если адъективную основу *-щѣбъцън-* рассматривать как дериват от *-щѣбѣт-* с крайне малопродуктивной для древних церковнославянских прилагательных двойной аффиксацией **-j-* или **-tjo-* + **-ьн¹¹*, ср.: *тоуждь* (от готск. **þjuda* ‘народ’ [ЭСРЯ IV: 379]) → *тоуждьнѣ* (нарах *legomenon* в Поучениях огласительных Кирилла Иерусалимского¹²); ср. также *объщъ* (предлог **ob-ь* + суффикс **-tjo-*¹³) → *объщънѣ* и произв. [SJS II: 501; СРЯ XI–XVII, 12: 45].

Таким образом, фонетические (в случае с неологизмом *благощѣботънѣ* следует говорить о словообразовании, поскольку *o* имеет здесь не фонетическую природу, а входит в состав аффикса) западнославянизмы образовывали часть церковнославянского узуса первого после Кирилла и Мефодия поколения славянских авторов, работавших на западе Первого Болгарского царства¹⁴. Позднейшие ру-

¹¹ См. [Мейе 1951: 286–287]: «Славянский язык унаследовал от общиндоевропейского суффикс прилагательных **-jo-*»; далее (там же) о формах типа *тѣщъ, бѣждрь* [от *бѣдръ*] и о частотной модели с присоединением **-j-* к **-ьн-*, типа *истиньнѣ*, продуктивной при образовании отадвербиальных прилагательных типа *вышьнѣ* или притяжательных прилагательных от названий лиц типа *братрьнѣ*; предлагаемая здесь модель — **-j-* или **-tjo-* + **-ьн* — не рассматривается, возможно, в силу редкости примеров; [Birnbäum, Schaeken 1997: 64–65] (раздел «Produktive zweifachkomplexe Adjektivsuffixe»); модель «**-j-* или **-tjo-* + **-ьн*» не рассматривается).

¹² [СРЯ XI–XVII, 30: s.v.]: «Аз [Бог] насадихъ виноградъ плодовиѣ, всеистиненъ, како обратися в горестъ виноградъ тужднии (ἀλλοτρία)? (Кир. Иерус. Поуч. огл.) ВМЧ, Март 12–25, 888. XVI в. ~ XI–XII вв.»

¹³ [Мейе 1951: 287; ЭСРЯ III: 119; Трубочев 1957: 94–95].

¹⁴ Лексические и грамматические особенности Учительного Евангелия и иногда приписываемого Константину Болгарскому Сказания церковного свидетельствуют в пользу юго-западнославянского происхождения этих текстов: речь идет о формах с корнем *бѣд-* в презенсном значении, известных в древнерусском и староукраинском языках, в восточнопольских диалектах и в сербских текстах до XVI в. (современный сербский сохраняет только реликтовое употребление презенсного *буд-*), конструкция с предлогом *въ* + вин.п. в значении образа действия, обилии форм с простым и древним сигматическим аористом, флексии *-те* в 3-м л. дв.ч. аориста, презенсных причастиях от перфективных основ, аналогических формах тв.п. мн.ч. **-о-*основы типа *сложьбою члѣвкми* (τῆς τῶν ἀνθρώπων λατρείας) Учит. Ев. 44а (97) и лексических регионализмах *трѣтѣ, цѣста, цѣгъло, етерѣ* ‘иной’ и частице и союзе *тѣ*, из которых только *трѣтѣ* встречается в древневосточноболгарских текстах, а остальные лексемы характерны только для юго-западнославянского ареала или являются общими для западной подгруппы южнославянских языков и для западнославянских языков. Тот факт, что перечисленные формы, и в особенности лексические единицы, встречаются в Учительном Евангелии, т. е. в цикле проповедей, позволяет судить, что перед нами — сознательное употребление диалектных форм, рассчитанных на носителей соответствующих диалектов. См. подробно: [Кривко 2014; 2015: § 4.6.1 (примеры, литература)].

кописи сохраняют эти фонетические особенности в акростихах — поэтических украшениях или в стилистически мотивированных окказиональных неологизмах. В этой связи допустимо полагать, что графико-фонетические моравизмы в юго-восточносербском — северо-западномакедонском подкорпусе старославянских памятников — Мариинском евангелии, Клоцовом сборнике и Синайской псалтири — отражают не прямое влияние моравско-паннонских протографов, а представляют собой реликтовые явления, обусловленные диапазоном вариативности древнего юго-западного церковнославянского узуса, или книжности западной части Первого Болгарского царства. В таком случае протографы этих памятников локализируются не на севере — северо-востоке, в моравско-паннонском регионе, а на юге — юго-востоке. Это, в свою очередь, означает, что древнейший пласт книжной традиции в северномакедонской — южносербской зоне заимствован не из Моравии, как можно было бы судить по единичным графико-орфографическим западнославянизмам, а из славянских епархий западной части Первого Болгарского царства. Данная гипотеза согласуется с предположениями, сделанными на эпиграфическом материале¹⁵.

5. Древневосточноболгарские графико-фонетические явления в русско-церковнославянском корпусе

Характерной языковой особенностью древневосточноболгарского языкового ареала является особая рефлексация йотовой палатализации губных согласных, состоящая в выделении после этих согласных палатального глайда и утрате *l*-epentheticum. Судя по данным старославянского корпуса, это явление — инновация, распространявшаяся с юго-востока на север (западнославянские языки) и на запад (македонский язык) славянского ареала. Отсутствие *l*-epentheticum в разной степени свойственно вообще всем южнославянским рукописям старославянского корпуса, это явление не засвидетельствовано только в Киевских листках. Позиционные условия отсутствия вставного *l* варьируются в зависимости от происхождения памятника¹⁶: в восточноболгарской кириллической Супрасльской рукописи

¹⁵ [Трифунувић 2001: 168]: «глагољско наслеђе притицало у Србију и из охридских крајева и простране епископије Климента Охридског», [Ibid.: 169]: «писменост у српске области долазила са севера, из Моравске, и са југа, из бугарско-охридских крајева».

¹⁶ [Vondrák 1912: 323] («Die aksl. Denkmäler verhalten sich im allgemeinen nicht gleichmäßig diesem l gegenüber. Nur in den Kiev. Bl. finden wir es überall dort, wo wir es auch erwarten»), [Ibid.: 323–335] (S. 332: «Der Zustand, welcher in den letzten Denkmälern angedeutet war, ist im Supr. noch mehr ausgebildet»); [Leskien 1969: 53]: «sogenannte euphonische oder epenthetische l, ein Übergangs-(Vermittlungs-)laut... wird in den Kiever Bl. an allen Stellen konsequent angewendet, in den andern Denkmälern aber kann es fehlen und fehlt sehr oft», [Ibid.: 54–55]; [Diels 1932: 131]: «Die aksl. Handschriften sind hier weder in sich konsequent, noch stimmen sie miteinander überein. Im allgemeinen scheint das l um so strenger durchgeführt zu sein, je älter die Handschrift ist»; [Mareš 1969: 79] (об утрате *l*-epentheticum в древнеболгарском и в западнославянских языках как об инновации, а не об исконном рефлексе йотовой палатализации губных; там же литература), [Ibid.: 100]; ср. иначе: [Калнынь 1961: 7; Чекман 1973: 35–39].

утрата *l*-epentheticum отражается несопоставимо чаще, чем, например, в глаголическом Мариинском евангелии или в Клоцовом сборнике¹⁷.

В связи с утратой *l*-epentheticum в Супрасльской рукописи отразилась характерная древневосточноболгарская орфограмма, с помощью которой обозначается рефлекс йотовой палатализации губных согласных: буква губного согласного + ъ + йотированная буква гласного. Эта орфограмма описана в грамматиках старославянского языка¹⁸:

«Auffallend ist im Supr. der so häufige Gebrauch des ъ an Stelle des ausgefallenen *l*: оставъѣнъ, земьѣ, земьѣ usw. Fälle wie благословенъ 326, оставеноу 218 [...] sind hier vereinzelt. Das ѣ (ѣ) finden wir mehr oder weniger nur vereinzelt in anderen Denkmälern, so in Euch. sin.: дръвье 85a, im Ps. sin.: глоумъениъ 273, земьъ 44, 63, земьѣ 128, избавъѣ 31, земьѣ 182, земьѣ 43, иѣковью 191, dann in der Sav. kn.» [Vondrák 1912: 335].

Действительно, написаний типа *томъѣниѣ* Супр. 1, 5 (ср. *томениѣ* 161, 14); *благословѣѣнъ* 326, 19 в Супрасльской рукописи много, и этим она отличается от других старославянских памятников¹⁹. Древневосточноболгарские написания типа *томъѣниѣ* находятся на периферии старославянского кириллического узуса. В Енинском апостоле йотированные буквы, кроме *ю*, отсутствуют, в Саввиной книге буква *ѣ* употребляется только в начале слога [Щепкин 1899: 32], а *ѣ* — после буквы *н* [Там же: 40]. Перед нами — периферийное явление церковнославянского графико-орфографического узуса, обусловленное древневосточноболгарской фонетической инновацией, в связи с чем его отражение в рукописях других региональных изводов имеет текстологическую значимость.

Древнерусская церковнославянская орфография оказалась почти не затронутой этой частью древнеболгарского узуса, что может объясняться естественной русификацией правописания. Тот тип обозначений палатальных с помощью йотации, который представлен в древнерусских рукописях, не несет следов влияния древней восточноболгарской орфографии и отражает, вероятнее всего, собственно древнерусский языковой узус, поскольку утрата *l*-epentheticum на восточнославянской почве неизвестна. Если же говорить о южнославянских параллелях древнерусских написаний типа *земьѣ*, то они находятся в центрально- и западноболгарских говорах:

¹⁷ [Vondrák 1912: 337]: «Kamen die aksl. Denkmäler auf einem Boden zur Abschrift, wo das *l*-ep. heimisch war, so wurde es natürlich mehr erhalten, was teilweise im Cloz. und Mar. beobachtet werden kann».

¹⁸ [Lunt 2001: 34]: «Often the expected two-unit groups *plj*, *blj*, *vlj*, *mlj* are spelled without any *l*-letter, implying a Bulgaro-Macedonian substitution of <j> in place of palatal sonorant /lj/, and therefore groups *pj*, *bj*, *vj*, *mj*... Most usually this is shown by ѣ in place of the *l*-letter, but therefore front-vowel letters ѣ may be omitted: e. g. *земьѣ*» и т. д.

¹⁹ [Vondrák 1912: 332–335] (примеры разных способов отражения на письме рефлексов йотовой палатализации после губных в Супрасльской рукописи); [Margulícs 1927: 58, 59].

«В меньшинстве болгарских говоров *l* epentheticum сохраняется последовательно во всех грамматических категориях. Говоры этого разряда образуют, по-видимому, сплошную территорию в западной области Болгарии... с востока к ним, по-видимому, примыкают другие, исконно-болгарские говоры, столь же последовательно сохраняющие *l* epentheticum. Таков старый говор города Софии и окрестных деревень... вполне естественно думать о сохранении старого болгарского *l* epentheticum под влиянием соседних сербо-болгарских говоров» [Щепкин 1899: 260].

Отсутствие форм без *l*-epentheticum в таком архаичном с точки зрения следования южнославянскому узусу памятнике, как Остромирово евангелие, дало основание В. Н. Щепкину предполагать центрально-болгарское или юго-западное (т. е. не преславское) посредство при заимствовании на Русь этого текста²⁰. Среди памятников древнего русско-церковнославянского корпуса только Изборник 1073 г. во множестве содержит примеры типа «*прославѣи 9567, прѣкоупѣють сѧ 97в27, томениѣ 10562 [...]* *къмѣди 201г21*» [Баранкова и др. 1988: 11], которые, наряду с другими многочисленными языковыми болгаризмами, в частности меной юсов и деназализацией $\epsilon \rightarrow e$ [Баранкова и др. 1988; Баранкова, Пичхадзе 1990], отражают древневосточноболгарское посредство в заимствовании на Русь созданного в Преславе для царя Симеона текста Изборника 1073 г.

Тот тип отражения падения редуцированных, который характерен для древневосточноболгарской традиции (сохранение *ь* при переходе *ь* в *e*), в древнерусских рукописях не представлен. Единственным графико-орфографическим восточноболгаризмом, указывающим на прямую текстологическую преемственность восточнославянского памятника по отношению к преславской школе, может считаться только морфологически не обусловленная орфограмма без *l*-epentheticum, с факультативным *ь* после буквы губного согласного, что мы наблюдаем в Изборнике 1073 г.

Несколько лет назад была предложена гипотеза о древневосточноболгарском (преславском) происхождении протографа Путятиной миине, основанная на следующих формальных признаках [Йовчева 2008]: 1) двуеровая орфография (со следами одноерового письма в службе Иоанну Богослову); 2) четырехьюсовая орфография; 3) обозначение палатальности с элементами безйотовой орфографии и использование буквы *у* (ижицы) для обозначения палатальных²¹; 4) необозначение исконно мягких шипящих; 5) преимущественное употребление *щ* (830 раз), а не *шт* (147 раз) или *ш^т* (16); 6) употребление греческих букв θ , ψ , ξ , отсутствие ζ и употребление ζ только в числовом значении.

Ни один из перечисленных фактов не является специфически древневосточноболгарским. Двуеровая орфография свойственна всем без исключения книжным памятникам древнего церковнославянского корпуса, в связи с чем ее достоверная

²⁰ [Щепкин 1899: 262]: «Факт последовательного сохранения *l* epentheticum в Остромировом Евангелии не может быть истолкован исключительно влиянием русского языка».

²¹ [Йовчева 2008: 328]: «отбелязване на палаталните съгласни: *лѧ, нѧ, рѧ; лю, ню, рю*; исключения: *ла* вм. *лѧ* [...] *сѣтѣла* 13в5; *ра* вм. *рѧ* — *цѣра* 29г16 [...] *лу* вм. *лю* [...] *землу* (11) 55г12 [...] *ру, рѣ* вм. *рю* [...] *зару* (2) 39г9 [...] *ну / ноу* вм. *ню* [...] *поустыну* 53г7».

локализация на материале древнейших источников невозможна. Одноеровая орфография известна, в том числе, древнерусской бытовой письменности и эпиграфике, в связи с чем очевидным представляется лишь архаичный и периферийный — причем скорее в функциональном, чем в ареальном смысле — характер этой системы письма. Четырехьюсовая орфография используется не только в древнерусских кириллических рукописях, но и в глаголических Ассеманьевом евангелии, Синайской псалтири, Синайском ехологии, Клоцовом сборнике, Рыльских листках, Боянском палимпсесте²². Древневосточноболгарская Супрасльская рукопись содержит, строго говоря, не четыре, а шесть букв носовых гласных: Ѧ, ѧ, Ѣ, ѣ, Ѧ, ѧ²³, Саввина книга — пять: Ѧ, ѧ, ѧ, ѧ, ѧ [Князевская 1999: 28–29]. Употребление малых юсов ни в одной из древнейших южнославянских кириллических рукописей не соответствует Путятиной минее: «в Хиландарских листках встречаются только две буквы ѧ и ѧ [...] В Македонском кириллическом листке по преимуществу употребляется знак ѧ в любом положении, но три раза встретилась буква ѧ» [Там же: 29–30]. Четырехьюсовая орфография Путятиной минее вообще не имеет документированных церковнославянских кириллических параллелей XI — начала XII вв. за пределами восточнославянского ареала, что не позволяет уверенно судить о происхождении этой системы письма.

Что касается палатальных согласных, то особенность древневосточноболгарского узуса в обозначении палатальности состоит в наличии характерных орфограмм, отражающих утрату *l-epentheticum* после губных согласных, которые в Путятиной минее отсутствуют (за исключением единичных примеров утраты *l-epentheticum* в группах согласных)²⁴. Употребление ижицы после букв палатальных согласных в Путятиной минее не является южнославянской особенностью, поскольку ижица в написаниях типа *зару* служит субституту ѧ [Колесов 1973: 178] и отражает древнерусскую инновацию. Как соотносится обозначение исконно мягких шипящих в Путятиной минее с рукописями древнего церковнославянского корпуса, остается неясным в силу очевидной вариативности южнославянского узуса²⁵. Употребление *щ* и диграфа *шт* в южнославянской

²² [Martí 2000: 71] (сводная таблица употребления букв носовых гласных в древнейших глаголических рукописях).

²³ [Margulíés 1927: 52]: «allein das ѣ, das sich aus der Parallele mit ѧ wie von selbst ergeben haben wird, findet sich doch vereinzelt schon in unserem Denkmal, in ѧзельѧ — 333, 20, wo das beeinflussende ѧ unmittelbar folgt, in ѧзыкы — 472, 12 und in глѧбокыѧ — 555, 17»; ср.: «die zwei Fälle von сеѧ — 222, 17 und поѧ — 354, 19».

²⁴ ѧдзвенѧ Мин. Пут. 19–7, оудзвенѧю 57 об.–13; ср. извъѧсел [так!] Мин. Пут. 16 об.–6. Неочевидна утрата *l-epentheticum* в написании *земѧ* (род.п. ед.ч.) 40–8, где отсутствие буквы *л* может отражать древний праславянский вариант основы [ЭСРЯ II: 93].

²⁵ [Nuorluoto 1994: 73–78] (об употреблении букв носовых в старославянских рукописях после палатальных и шипящих), [Ibid.: 92–94] (об употреблении букв ѧ : ѧ, ѧ : ѧ : ѧ), [Ibid.: 104–106] (об употреблении букв ѧ : ѧ, ѧ : ѧ) (описание материала, примеры, ссылки на источники, литература).

традиции²⁶ также не позволяет сделать вывод о древневосточноболгарском происхождении протографа Путятиной минеи: орфограмма *шт* имеет глаголическую параллель **Ш^{ср}**, причем только этот вариант используется для обозначения рефлексов **tj*, **stj*, **skj* в Зографском евангелии и Клоцовом сборнике, тогда как в Синайском евхологии и Рьльских фрагментах употребляется всегда только **Ѣ**, а в Мариинском и Ассеманиевом евангелиях, как и в Синайской псалтири, используются оба варианта. Вариант *шт* встречается почти без исключений в Супрасльской рукописи, где только в конце строки появляется лигатура *ш̄*. Напротив, в Саввиной книге употребляется только *щ* (единственное исключение — написание *имѣш̄юмоу* 65а, вызванное дырой в пергамене под *ш*) [Diels 1932: 48; Marti 2004: 411; Князевская 1999: 29]. Не может служить критерием локализации протографа кириллической рукописи и употребление букв *ѳ*, *ѣ*, *ѥ*, которые свойственны кириллической традиции в целом, а *ѳ* (**Ф**) «фита» известна также в рукописях глаголических [Diels 1932: 21, 45–46]. Отсутствие буквы *з* в Путятиной минее, вероятнее всего, объясняется восточнославянским происхождением рукописи и ее неизбежной русификацией²⁷. Возможно, что влиянием

²⁶ [Marti 2004: 410–411] (доказательства исконного наличия буквы **Ѣ** (*ш*) в глаголице; описание материала письменных памятников и древнейших акростихов, который не дает однозначного ответа на вопрос об относительной древности одного из двух способов обозначения рефлексов **stj*, **skj* и **tj*).

²⁷ Известно, что буква **ѣ** используется во всех глаголических рукописях старославянского корпуса, кроме Киевских листков, Синайского евхологии и Клоцова сборника [Diels 1932: 47]. Отмечена мена **ѣ** (*з*) на **ѳ** (*з*) и в Мариинском евангелии [Грковић-Мејдор 2011: 48], что является еще одним свидетельством происхождения Синайского евхология, Клоцова сборника и Мариинского евангелия в одном диалектном ареале. В XI–XII вв. буква *з*, *ѣ* (в нечисловом значении) встречается только в тех кириллических рукописях, которые связаны с древнезападноболгарским или древнесербским ареалом: в Хиландарских фрагментах, Листках Ундольского, Македонском кириллическом листке, Зографских листках, Мирославовом евангелии, Григоровичевом паремийнике. Заметим, что наличие кириллической буквы *з* предполагает сохранение l-epentheticum (исключением могут быть консонантные группы, когда губному согласному предшествует другой согласный). Употребление букв **ѣ**, *з* обусловлено более длительным сохранением на юго-западе славянского ареала аффрикаты *dʒ* как рефлекса второй и прогрессивной палатализации, которая в древневосточноболгарских и восточнославянских диалектах, судя по письменным данным, была утрачена раньше, чем на юго-западе. По этой причине *з* отсутствует в Саввиной книге и в Супрасльской рукописи. В древнерусской письменности буква *з* регулярно присутствует только в кириллических алфавитных таблицах, где занимает устойчивую алфавитную позицию после *ж* [Зализняк 1999: 553]. Очевидно, что эта буква учитывалась при обучении грамоте и чтению, но в письме активно не использовалась. Об этом свидетельствует замена исконного глаголического **ѣ** (*з*) на *з* в азбучном акростихе рождественских алфавитных стихир с глаголическим составом и порядком букв, где букве **ѣ** (*з*) соответствует акроним *Звѣздоѣѣ* Ил. кн. 356 (77 об.), а букве **ѳ** (*з*) — акроним *Земля* (там же) в следующей стихире. Форма *Звѣздоѣѣ* сопровождается комментарием: «в протографе, несомненно, в соотв. с алфавитом было **звѣздоѣѣ* (ср. в азбучных стихирах на Крещение в Т98, 24г: *Зѣло*)» [Крысько 2005: 357], NB букву *З* (не *Ѣ*) в «Зѣло». Выразительным исключением в раннедревнерусском употреблении буквы *з* является пример из Азбучной молитвы, предваряющей Учительное Евангелие Константина в рукописи XI–XII вв. (ГИМ, Син. 262). Буква *ѣ* Азбучной молитвы отражает ее

преславского грамматического узуса, для которого было характерно использование позднепраславянских инновационных форм, обусловлены также некоторые морфологические и лексические особенности памятника [Йовчева 2008: 329–337], употребляющиеся наряду с архаизмами, если эти явления не отражают надрегиональный инновационный церковнославянский книжный узус второй половины — конца X в.

Влияние древневосточноболгарского протографа в графике и орфографии Пуятинной минеи не прослеживается (см. подробно: [Кривко 2015, § 4.6.2.]).

6. Графико-фонетические явления юго-западнославянского происхождения в русско-церковнославянском корпусе

На фоне отсутствия древневосточноболгарского влияния на орфографию Пуятинной минеи обращает на себя внимание ряд явлений, отмечаемых в содержательно однородном подкорпусе, состоящем из служебных миней архаического и младшего типов (Ильина книга, Пуятинная минея, «Ягичевы минеи», минеи «типографского» комплекта XI–XII вв.), сочинений Константина Болгарского («Сказание церковное» и Учительное Евангелие в списке XI–XII вв.), а также фрагмента Псалтири с толкованиями Псевдо-Афанасия Александрийского, или Исихия Иерусалимского († после 451 г.) — Евгениевской псалтири XI в., где сохраняются глаголические инициалы, орнамент которых напоминает орнамент и заставки Зографского евангелия [Кривко 2008 (литература)].

Важнейшей фонетической диалектной особенностью юго-западного происхождения является употребление членной флексии *-ои* в формах им.п. ед.ч. м.р., о которой шла речь выше на южнославянском материале и которая не встречается в формах, обусловленных древнерусским книжным произношением. В памятниках XI–XII вв. наличие этой флексии не может быть результатом восточнославянской инновации, поскольку вокализация напряженных происходила существенно позже вокализации ненапряженных *ь*, *ь*. Подробно вопрос о формах на *-ои* рассмотрен в отдельной работе [Кривко 2015, раздел IV], поэтому здесь мы ограничимся списком примеров, ранее выявленных в древнерусских книжных памятниках²⁸:

взнесоисл Мин. Пут., 313, XI в.; *сильнои* Псалт. Евг., 19г, XI в.; *блгои члколюбче* Мин. сент., 0120, ок. 1095 г.; *нестере чюдной* Мин. окт., 190, 1096 г.; *тлгообразнои видъ* там же, 78; *животъ... втъчной* Мин. ноябрь,

глаголический архетип, в существовании которого не приходится сомневаться. Сохранение акронима *Zъло* с начальным *Z* в Азбучной молитве объяснимо только как прямое влияние протографа, который, в отличие от архетипа, может быть только кириллическим, а не глаголическим и который должен иметь древнезападноболгарское происхождение, о чем можно судить, в том числе, по написаниям членных форм на *-ои*, указывающим на юго-западнославянский диалектный ареал.

²⁸ [Филин 1972: 239; Колесов 1980: 125; Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 92; Пичхадзе 2009: 306; Кривко 2015, раздел IV].

279, 1097 г.; *нечѣстивои* там же, 20а; *сѣдѣнои* там же, 13; *сѣраспиноисл* Ил. кн., 616²⁹, XI–XII вв.; (*за инѣ молѣтьсѣ ·*) *кротѣкои* (*члѣволюбѣць*) (ἤμερος) Учит. Ев. 148b (295), XI–XII вв.; (*дѣѣ стѣи... мыслѣно*) *видимои* (*жадилѣмѣ*) (θεωροῦμενον) Сказ. Церк. 253в 11–12 (260), XI–XII вв.; *Стѣсловѣць сѣѣно · и* [вм. *сѣѣнои*] *бѣсловѣць ѣвислѣ сѣѣмлѣсѣ сѣ иѣртѣискѣми ликѣи* (ἐρὸς καὶ θεολόγος συμπλεκόμενος ἑβραίων τοῖς δῆμοις MR VI: 298) Пт37 126 об.–127.

Таким образом, всего в древнерусской церковнославянской письменности XI–XIII вв. известны двенадцать членных форм на *-ои*, три из которых отмечены в Евгеньевской псалтири, две — в рукописи с сочинениями Константина Болгарского и семь — в служебных минеях архаической и младшей, студийско-алексиевской, редакций. В книжном произношении формы на *-ои* отсутствовали [Кривко 2015, § 4.3], старославянские параллели этим написаниям находятся в глаголических рукописях юго-западного происхождения (для Зографского евангелия допустимо предполагать центральнодревнеболгарский ареал), аналогичные формы отмечались в славянских говорах на территории юго-восточной Македонии и в примыкающих к ней районах северной Греции и Албании. Таким образом, древние русско-церковнославянские написания членных форм на *-ои* — результат прямого заимствования из юго-западных протографов, созданных в славянских епархиях западного региона Первого Болгарского царства.

Примечательны с текстологической точки зрения две группы написаний в древнейшей служебной минее на август (далее *Ta*) — рукописи древненовгородского происхождения XI–XII вв., принадлежащей известному «типографскому» комплекту служебных миней, который, вероятно, происходит из скриптория монастыря или церкви св. Лазаря. «Типографский» комплект служебных миней относится к той же книжной среде и даже, вероятно, происходит из того же скриптория, что и так называемые «Ягичевы минеи» ок. 1095–1097 гг. Это убедительно доказывается сходством почерков февральской минеи «типографского» собрания (РГАДА, ф. 381 [Тип.], № 103) и сентябрьской минеи ок. 1095 г. (Мин.

²⁹ Форма отмечена во фрагменте текста, переписанного «крупными буквами и неопытной рукой, почерком, напоминающим почерк берестяных грамот...» написание флексии в Ил., очев., восходит к **-ѣисл*, тогда как корневое *и* вм. *ѣ* может быть объяснено влиянием *распинати*» [Крысько 2005: 617]. Если *о* вместо *ѣ* в данной форме отражает новгородскую графическую мену *ѣ* на *о*, свойственную бытовой системе письма, что как будто бы следует из палеографического комментария, то написание *сѣраспиноисл* необходимо исключить из нашего ряда примеров и рассматривать его в одном ряду с формой *Гѣл(ѣ)б[е] ѣѣ грѣшьнои* («граффито в Софии Новгородской, № 154 по нумерации А. А. Медынцева») [Михеев 2015]), вновь опубликованной с исправленным чтением и с новым комментарием С. М. Михеевым [Михеев 2010: 81–82, 83–84]. В то же время как для Ильиной книги, так и для новгородского софийского граффито № 154 нельзя окончательно исключать книжное влияние, в пользу чего свидетельствует расположение надписи «в лестничной башне, куда, вероятно, не имели доступа выше хор — в малодоступной части башни» [Там же: 84]. Очевидно, надпись оставил новгородец, член клира, который «по роду деятельности» должен был быть знаком с церковнославянскими рукописями.

сент.; РГАДА, ф. 381 [Тип.], № 84) и рядом других палеографических и исторических фактов³⁰.

Диалект писца *Ta* принадлежит к тому же древненовгородскому ареалу, что и «Ягичевы минеи», о чем свидетельствует не только смещение *ц* и *ч* (*прорича/ние Ta 15; наричаеть 32; съконьца 88* об. и др.), но и характерная новгородско-псковская рефлексация сочетания **zgj*, известная как в «Ягичевых минеях» [Lunt 1949: 126], так и в *Ta*: *дъжгъ 78, 111; пригвожгенаго 88* об.; *одъжгяющую 91* об. Написание (*Апльскыи съборе · (пръславьно събъраса ис коньць днѣь)*) (*αποστολων ο θιασος MR VI, 396*), возможно, отражает новгородскую именную флексию им.п. ед.ч. м.р. -*e*, если форма им.п. ед.ч. не была переосмыслена как вокатив, чему способствует омонимия славянских аористных форм 2 и 3 л. ед.ч.

Рукопись *Ta* находится «на перекрестке» архаизирующих и инновационных традиций письма, что наблюдается в ряде явлений.

Ta отражает двухьюсовую орфографию (*бѣстѣ ·:~ /* [так: сокращенное написание, описка или упрощение группы согласных] 1; *ѣбо 1* об.; *ѣмьрьше 2* об. и др.), модификацией которой являются написания с так называемым «комбинированным юсом» *Ѧ* в начале тропарей, который получает некоторое распространение преимущественно в южнославянской традиции в XII–XIII вв. и связан, очевидно, с меной юсов. Похожее начертание такого юса в раннедревнерусской традиции известны в Изборнике 1073 г. и в служебной минее на апрель из того же «типографского» комплекта (РГАДА, ф. 381 [Тип.], № 110)³¹, к которому относится *Ta*; часть апрельской минеи написана тем же почерком, что и *Ta*. В середине — второй половине XII в. начертание *Ѧ* отмечается в берестяных грамотах [Зализняк 2000: 212], в связи с чем не вполне ясно, можно ли считать букву *Ѧ* в *Ta* и в апрельской минее свидетельством опосредованного влияния южнославянского протографа. Вероятнее всего, что написания *Ѧ* в *Ta* играют своего рода декоративную роль и отражают языковой вкус писца, который усвоил это начертание из чтения южнославянских рукописей или их восточнославянских антиграфов:

Ѧслышавъше Ta 1 об.; *Ѧкрашаетьса 4* об.; *Ѧставы 5*; *Ѧмьно 35*; *Ѧноша 42* об.; *Ѧстрѣлень 54* об.; *Ѧмртвивъ 60*; *Ѧкрашаааа 60* об.; *Ѧничъжиса 65* об.; *Ѧстави 68*; *Ѧмръщвена 70*; *Ѧношьскы 72*; *Ѧста 82*; *Ѧмръщвеноу 87*; *Ѧстави 100*; *Ѧстрашаема 102*; *Ѧставы 105* об.; *Ѧстрашиса 108* об.; *Ѧкрѣплъшеса 110*.

Судя по малому числу морфем, в которых пропускаются слабые *ъ*, *ь*, писец в этом отношении воспроизводит архаичный древнерусский узус, сохраняя *ъ* даже в корнях *кънлз-* и *пѣт-*: *кънлзи Ta 30, Кънлза 34* об., *кънлзи 42* об., *кънлзю 43*; *кънлзи 46*; *пѣтица 69* об. Примеров с отсутствующим *ъ* в *Ta* нет (корень *пѣт-* отмечен один раз). В данном случае мы сталкиваемся именно с архаичным письменным узусом, а не с отражением современной рукописи диалектного состояния. Об этом свидетельствуют данные служебной минеи на июль (РГАДА, ф. 381

³⁰ [Уханова 2009: 218] (литература, в том числе связанная с гипотезой о скриптории Лазарева монастыря или общины храма св. Лазаря).

³¹ [Карский 1979: 167, 208; КМЕ II: 301–306; Томовић 1974: табл. IV, XIV].

[Тип., № 121), которая принадлежит к тому же комплекту, что и *Ta*, и в создании которой принимал участие писец Матфей, написавший *Ta*³². В основном почерке иоульской миней еры последовательно пропускаются в восемнадцати корневых морфемах и в суффиксе *-ьн-* [Карягина 1960]. В *Ta* отсутствие еров регулярно отмечается только в пяти морфемах:

1) дѣв-: двою 1; двоица 27 об.; Дѣвѣ 28 об.; двѣ 81 об., 87 об.; двое 28 об. (ср. въ дѣвѣ 1; дѣвѣ 28 [2 раза]; Дѣва 58 об.; дѣва 57 об.;

2) мѣног-: мно/жаи^{ши} 2 об.; многоплодна 72; множество 75; многахъ 79; многосвѣтъла 79 об.; многобѣжа 80 об.; многопоучиноу 83; многы 83; многоизбѣранныи 26; Многими 50 об.; многочислыныа 59; много 87; многообразныхъ 111 об.;

3) зъл-: злыхъ 3; злодѣваго 3 об.; злыхъ 4; злаго 5; злодѣданю 8; злобѣ 15 об. и т. д., всего около сорока примеров; ср. зьлы 57; зьлѣ 63; зьлобие 70 об.; Зьловѣрѣа 88; зьлобы 102, 105 об.; зьль / 107 об.;

4) дѣн-: дньсь 3; ср. Днь 66 об.; дньница / 103 (так!);

5) всь-: все 2 об., 10 об.; всеславѣне 10 об.; всю 3; вси 3 (2 раза); вса 12 и мн. др., отмечены только три примера с ъ: всѣхъ 12 об.; все 49 об.; всего 53 об.

Кроме перечисленных примеров, буквы ѝ, ѥ пропущены в следующих единичных случаях:

1) нѣкто 7 об.; ср. Кѣто 24 об., 32 об.; кѣто 31 об.; никѣтоже 16 об.;

2) чѣтоушимъ 14, 45 об.; ср. чѣтоушихъ 66 об., 73; чѣтоушаа 68 об.; чѣтемъ 75; чѣта (действ. прич. наст.вр. ед.ч. м.р. им.п. — σέβων MR VI, 481) 75 об. и мн. др.;

3) разгна 7; вдѣхни 7 об.; тѣмница 17, жи/вотноу 32, свѣтилникъ 47, всенощноу 94, бла/жне (если это не пропуск буквы е в форме блажене) 107; цѣлбамъ 48; посла 85; мнѣ 89 об.; прѣдѣтечкоу 104 об., про/рочска 104 об., Дѣвичскаго 108;

4) с нѣсе 25, 34, 59 об.; с нѣсы 33 об.; с бжствъ/ными 13; к сѣоу 31; в роуцѣ 31;

5) Стражета ти (συναθλοῦσι σοι MR VI, 389) 27 об.; прѣ/тече (Продрѣче MR VI, 528) 104 об. (упрощение новых геминат в результате утраты слабого ѥ или пропуск букв?).

В отличие от ряда рукописей XI–XII вв., в *Ta* почти нет случаев мены ѝ, ѥ на о, е в слабой позиции, обусловленных книжным произношением еров, замечено только одно исключение: *Кю* (ликоу моудрѣноу — Χορεία σῶφρονι MR VI, 350; возможно, описка в результате паронимической аттракции с местоименным наречием *коликъ*) 8 об. Особый случай представляет регулярное написание о на месте исконного этимологического ѝ в морфеме *храбър*³³ независимо от позиции, которое отражает южнославянскую (юго-западнославянскую) традицию употребления этой частотной в гимнографии морфемы с вокализацией ѥ → о: *храборивѣ* (действ. прич. наст.вр. м.р. ед.ч. им.п. ἀρστειύσας MR VI, 372) *Ta* 16; *храбора* (ὁπλίτας MR

³² См. [Уханова 2009: 211–228] (литература, история вопроса, палеографический и кодикологический анализ миней «типографского» комплекта и связанных с ним рукописей).

³³ [Reinhart 2011: 168] (об исконном, «этимологическом», характере ѥ в морфеме *храбър*; литература).

VI, 391) *Ta* 23; *xраборъ* (ὄπλιτης Sn631 27) *Ta* 17. Кроме написаний типа *xрабор-*, вокализация *ь* в сильной позиции отмечена в примере *неве/ществовьнъ Ta* 1.

Обращает на себя внимание русификация письменного узуса в обозначении анлаута с *ou*, который ни разу не передан в согласии с южнославянской орфографией, если не считать влиянием таковой «этимологически неправильные» написания с *ж* в соответствии с *ou* (возможно, начальное *ж* является своего рода компромиссом между южнославянским и восточнославянским узусами): *жноша* 21 об.; *ж/ноша* 22; *оуноша* 91 об.; *жтрънюуще* 27 об.; *оутръню·* / 34 об.; *оутрън.л.л* 77 об.; *оутрънююще* 94 об. и др., буква *ю* в начале слова используется только в формах местоимения вин.п. ед.ч. *юже* 17 об., 22 об.; *ю* 32, 34 и др. Столь же последовательно в соответствии с восточнославянскими фонетическими особенностями обозначается рефлекс сочетания **dj*: *порожение* 4 об.; *стражю/ще* 5; *побъжаемъ* 5 и др., написание *жд* отмечено лишь однажды: *заграждаема* 28. Приблизительно так же распределяются варианты *жд/ж* в «Ягичевых минеях» [Lunt 1949: 126–127]. Восточнославянские рефлексы сочетания **tj* в *Ta* отсутствуют: *разн.шас.л* 28 об.; *въдоуще* 39 об. и т. д.

Отличительной особенностью *Ta* являются примеры пропуска *и* после *и*, *ы* в фонетической позиции перед графически не выраженным *j* в окончаниях род.п. мн.ч. существительных среднего рода **jo-* и женского рода **i-*основ³⁴ и тв.п. мн.ч. существительных среднего рода **jo-*основы:

род.п. мн.ч.:

(Каплами твоихъ) *кръви* 53 об.; *ицѣле/ни* (ιαμάτων MR VI: 444) 57 об., (ιαμάτων Sn632 176) 102 об.; *пригрѣшени* (τῶν... πταισμάτων) 107 об.; *на/пасти*ⁿ (многообразныхъ) 111 об.;

тв.п. мн.ч.:

течени (ρεῖθροις Cl 180) 109 об.; (свѣтозарьными) *блистани* (дѣа) 55 об.; (бжѣствными) *обѣщани* 56 об.; *ласкани* (ταῖς θωλεῖαις MR VI: 477) 73 об.; (сѣ) *ли-костодани* 109.

В исторических грамматиках русского языка такие фонетически обусловленные стяженные формы не упоминаются. Выше было сказано, что из памятников старославянского корпуса аналогичные формы отмечаются только в глаголических рукописях центральноболгарского или юго-западного происхождения, к которым в полном объеме относится юго-восточносербский — северо-западномакедонский подкорпус: в Мариинском евангелии, Клоцовом сборнике, Синайской псалтири, а также в Ассеманиевом и Зографском евангелиях.

Основным способом передачи праславянского сочетания типа **tʏrt* в *Ta* является орфограмма южнославянского типа: *пръвое*, *оутврѣжение* 34; *дръжащиихъ* 35; *зръчало* 35, ср. сокращенные написания *дврѣ* 17, 83 об.; *Дврѣ* (начало строки) 18 об. Древнерусская орфограмма отмечена только в одном случае: *зръцало* 34;

³⁴ Далее цитируется также форма род.п. мн.ч. существительного *кръвь*, принадлежащего к склонению на **-й*, однако воспринявшего флексию **i-*основ *-ии* аналогического происхождения.

тремя примерами засвидетельствовано второе (еровое) полногласие: *испъльнена* 24; *твъръдо* · / 48 об.; *тъльстостию* 82 об. Полагаем, что влиянием орфограмм юго-западного типа обусловлены также единичные безъеровые написания, свидетельствующие о слоговости плавного и, как было сказано выше, известные только в Мариинском евангелии: *Стлнь* 1; *првообразьноу* 1; *млнил* 14; *крстъ* 52; *тврди* 58 об.; *срдца* 59 об. В отличие от Мариинского евангелия, где безъеровые формы употребляются только в сочетании с *p* (возможно, это каким-то образом обусловлено ранней стадией сербскохорватского перехода *l* в позиции между согласными в *и*), новгородский писец распространяет эту орфограмму на буквы обоих плавных, очевидно, не ощущая фонетического различия между всеми четырьмя известными ему типами обозначения на письме рефлексов сочетаний типа **tvr̥t*.

7. Выводы

В статье предложен метод локализации утраченных звеньев текстологической традиции, основанный на выявлении в рукописи или группе рукописей регионально обусловленных написаний, не свойственных тому диалекту, на территории которого создан письменный памятник. Такие написания находятся на периферии книжно-письменного узуса и, не будучи предметом языковой рефлексии, отражают влияние протографа. Установлено, что для древней юго-западной церковнославянской традиции Первого Болгарского царства был характерен такой диапазон фонетического и графико-орфографического варьирования, который допускал употребление фонетических моравизмов — рефлексов йотовой палатализации **tj*, **dj*. Соответствующие формы сохранились в текстах Климента Охридского, Наума Охридского и Константина Болгарского, в том числе в древнерусской рукописи Учительного Евангелия Константина.

На основе ряда общих диалектных инноваций в пределах старославянского корпуса выявлен юго-восточносербский — северо-западномакедонский подкорпус архаичных в грамматическом, лексическом и текстологическом отношении рукописей: Мариинское евангелие, Клоцов сборник и Синайская псалтирь. Наличие фонетических моравизмов в этих памятниках может быть как результатом прямого влияния моравско-паннонской кирилло-мефодиевской традиции, так и реликтом древнего юго-западного церковнославянского узуса эпохи Климента, Наума и Константина.

Известные в русско-церковнославянском корпусе XI в. графико-фонетические явления древневосточноболгарского происхождения в гимнографических рукописях и в упомянутых сочинениях Константина Болгарского отсутствуют.

Периферийные, неузуальные графико-орфографические явления группы текстов русско-церковнославянского корпуса: служебных миней архаичной и младшей, студийско-алексиевской, редакций, Учительного Евангелия Константина Болгарского, Сказания церковного и Евгениевской псалтири — свидетельствуют о происхождении протографов этих текстов на юго-западе древнего славянского ареала, в западных регионах Первого Болгарского царства.

Источники

- Ил. кн. — Ильина книга, праздничная минея на сентябрьскую половину года, XI–XII вв.; по изд.: [Крысько 2005].
- Мин. ноябрь — Службная минея на ноябрь, 1097 г.; по изд.: [Jagic 1886].
- Мин. окт. — Службная минея на октябрь, 1096 г.; по изд.: [Jagic 1886].
- Мин. Пут. — «Путятина минея», службная минея на май, XI в.; по изд.: [Баранов, Марков 2003].
- Мин. сент. — Службная минея на сентябрь, ок. 1095 г.; по изд.: [Jagic 1886].
- Псалт. Евг.* — «Евгениевская псалтирь», БАН. 4.5.7 (Кеппен. № 13 [19]), 2 л.; РНБ. Погод. № 9, 18 + 2 л. XI в.
- Пт37* — Службная минея особого состава. РНБ, Ф. п. I. 37, первая треть XIII в.
- Сказ. Церк. — «Сказание Церковное», XI–XII вв.; по изд.: [Афанасьева 2012].
- Та* — Службная минея на август, XI–XII вв.; РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 125.
- Учит. Ев. — Учительное Евангелие Константина Болгарского, рукопись XI–XII вв.; по изд.: Старобългарското Учително Евангелие на Константин Преславски, изд. от М. Тихова, с детално описание от Е. Уханова на най-стария препис (ГИМ, Син. 262) (*Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, LVIII*). Freiburg i. Br., 2012.
- С1* — Службная минея на август. *Bibliothèque nationale de France (Paris), Coisl. gr. 218*. XI в.
- MR* — *Μηναῖα τοῦ ὄλου ἐνιαυτοῦ*. Т. 1–6. Ἐν Ῥώμῃ, 1901.
- Sn631* — Службная минея на август. *Sin. gr. 631*. 1048/1049 гт.
- Sn632* — Службная минея на август. *Sin. gr. 632*. XII в.

Словари, энциклопедии, указатели

- КМЕ — Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. I–IV. София, 1985–2003.
- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- ЭСРЯ — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. 3-е русское (стереотипное) изд. / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. СПб., 1996.
- ESJČ — *V. Machek*. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1957.
- SJS — *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. 1–4. Praha, 1958–1997.

Литература

- Афанасьева 2012 — *Т. И. Афанасьева*. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследования и тексты. М., 2012.
- Баранкова и др. 1988 — *Г. С. Баранкова, Р. В. Бахтурина, Л. А. Владимирова, Л. П. Жуковская, А. М. Молдован, А. А. Пичхадзе*. Изборник Святослава 1073 г. Некоторые древнерусские и южнославянские черты рукописи // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации / Н. И. Толстой (отв. ред.). М., 1988. С. 3–17.

Баранкова, Пичхадзе 1990 — Г. С. Баранкова, А. А. Пичхадзе. О некоторых языковых особенностях протографа Изборника Святослава 1073 г. // Известия Отделения русского языка и литературы РАН. Серия литературы и языка. Т. 49/5. 1990. С. 459–466.

Баранов, Марков 2003 — В. А. Баранов, В. М. Марков. Новгородская служебная минея за май (Путьятина минея), XI в. Тексты, исследования, указатели / Изд. В. А. Баранов, В. М. Марков; Подг. текста, коммент., указатели В. А. Баранова. Ижевск, 2003.

Вайан 2002 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. 2-е (стереотипное) изд. М., 2002.

Ван-Вейк 1957 — Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957.

Грковић-Мејџор 2011 — Ј. Грковић-Мејџор. О формирању српске редакције старословенског језика // Ђурђеви ступови и Будимљанска епархија. Беране; Београд, 2011. С. 43–51.

Дурново 2000/1924–1927 — Н. Н. Дурново. Русские рукописи XI–XII века как памятники старославянского языка // Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 391–494 (впервые: Лужнословенски филолог. 1924, IV, 72–94; 1925–1926, V, 93–117; 1926–1927, VI, 11–64).

Живов 1998 — В. М. Живов. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации / О. Н. Трубочев (отв. ред.). М., 1998. С. 212–247.

Живов 2006 — В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006.

Зализняк 1999 — А. А. Зализняк. О древнейших кириллических алфавитах // Поэтика. История литературы. Лингвистика: сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова / А. А. Вигасин и др. (ред.). М., 1999. С. 543–576.

Зализняк 2000 — А. А. Зализняк. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1990–1996 годов. М., 2000. С. 134–429.

Йовчева 2008 — М. Йовчева. Още вѣднѣж за протографа на Путьятиния миней (РНБ, Соф. 202) // Преславска книжовна школа. Т. 10. 2008. С. 326–340.

Калнынь 1961 — Л. Э. Калнынь. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961.

Карский 1979 — Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. М., 1979.

Карягина 1960 — Л. Н. Карягина. Редуцированные гласные в языке июльской служебной минеи конца XI — начала XII вв. // Материалы и исследования по истории русского языка / Р. И. Аванесов (ред.). М., 1960. С. 5–58.

Князевская 1999 — О. А. Князевская. Предисловие. Введение. Палеографическое описание // О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века I: Рукопись. Текст. Комментарии. Исследование. М., 1999. С. 7–40.

Колесов 1973 — *В. В. Колесов*. Праславянская фонема /ǫ/ в ранних преобразованиях славянских вокалических систем // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, 1973 г. Доклады советской делегации / С. Б. Бернштейн и др. (ред.). М., 1973. С. 170–196.

Колесов 1980 — *В. В. Колесов*. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

Конески 1981 — *Б. Конески*. Историја на македонскиот јазик (Избрани дела во седум книги, кн. 7). 2-е изд. Скопје, 1981.

Кривко 2008 — *Р. Н. Кривко*. Евгениевская псалтирь // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2008. С. 50.

Кривко 2014 — *Р. Н. Кривко*. Лингвистические заметки к «Учительному евангелию» и «Сказанию церковному» // Сборник на трудови од Меѓународниот научен собир «Кирилometодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски», организиран по повод 1150 години од Моравската мисија и од словенската писменост, Охрид, 3–4 октомври 2013. Скопје, 2014. С. 129–140.

Кривко 2015 — *Р. Н. Кривко*. Очерки языка древних церковнославянских рукописей. М., 2015.

Крысько 2005 — *В. Б. Крысько*. Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели. М., 2005.

Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006 — *А. М. Кузнецов, С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько*. Прилагательные (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 3). М., 2006.

Мейе 1951 — *А. Мейе*. Общеславянский язык. М., 1951.

Миклас 2003 — *Х. Миклас*. Гимнографические памятники и развитие древнеславянских письменных систем // BraSlav 2. Zborník z medzinárodnej slavistickej konferencie, konanej na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave dňa 13. a 14. novembra 2003 / Р. Žigo, Ё. Matejko (ed.). Bratislava, 2003. С. 54–63.

Милетич 1936 — *Л. Милетич*. Една особено забележителна форма въ македонскиот говор околу Солунъ // Македонски прегледъ = Revue Macédonienne. 1936. Т. X (1/2). София, 1936. С. 1–7.

Михеев 2010 — *С. М. Михеев*. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Часть II // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №3 (41). 2010. С. 74–84.

Михеев 2015 — *С. М. Михеев*. Древнерусские глаголические надписи XI–XII веков из Новгорода: №№ 23–28 // Slovo. 2015. № 65. С. 65–85.

Младеновић 2003 — *А. Младеновић*. Прилог објашњењу неких особина језика Маријинског четворојевањџеља // Археографски прилози. 2003. Т. 25. С. 11–32.

Пичхадзе 2009 — *А. А. Пичхадзе*. О языковых особенностях славянских служебных миней // Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag (Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe, 3) / D. Christians, D. Stern, V. S. Tomelleri (Hrsg.). München, Berlin, 2009. С. 297–308.

Пичхадзе 2010 — *А. А. Пичхадзе*. [Рецензия:] Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts. Teil I: Vorfastenzeit. Mit einer Einleitung zur Geschichte des slavischen Triodions von M. A. Momina. Hrsg. von M. A. Momina und N. Trunte. Paderborn, München, Wien, Zürich: Verlag Ferdinand Schöningh, 2004 (= Patristica Slavica. Hrsg. von H. Rothe. Bd. 11) // Лингвистическое источниковедение 2006–2009 / А. М. Молдован, Ю. В. Кагарлицкий (ред.). М., 2010. С. 546–553.

Пичхадзе 2011 — *А. А. Пичхадзе*. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.

Попов 2003 — *Г. Попов*. Акrostих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия // La poesia liturgica slava antica. Древнеславянская литургическая поэзия. XII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15–21 Agosto 2003). Blocco tematico n°14. Relazioni. XIII Международный съезд славистов (Люблина, 15–21 августа 2003). Тематический блок № 14. Доклады / К. Stantchev, М. Yovcheva (ed.). Roma; Sofia, 2003. С. 30–55.

Попов, Станчев 1988 — *Г. Попов, К. Станчев*. Климент Охридски. Живот и творчество. София, 1988.

Тихова 1995 — *М. Тихова*. За някои езикови особености в Учителното евангелие на Константин Преславски // 1100 години Велики Преслав / Т. Тотев (отг. ред.). Шумен, 1995. С. 313–333.

Толстая 1977 — *С. М. Толстая*. К типологической характеристике категории палатальности в славянских языках // Советское славяноведение. № 1. 1977. С. 83–88.

Томовић 1974 — *Г. Томовић*. Морфологија ћириличких надписа на Балкану (=Историјски институт. Посебна издања, 16). Београд, 1974.

Трифунувић 2001 — *Б. Трифунувић*. Ка почецима српске писмености. Београд, 2001.

Трубачев 1957 — *О. Н. Трубачев*. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства (и.-е. *ǵʰenǵ, слав. *rodъ, *pleme, *obytjo-) // Вопросы языкознания. № 2. 1957. С. 86–95.

Тюренкова 2015 — *М. А. Тюренкова*. Языковая вариативность и текстологическая стратификация раннедревнерусской рукописи: древнейший список Учительного Евангелия Константина, епископа Славянского. Выпускная квалификационная работа (образовательная программа «Фундаментальная и компьютерная лингвистика»). Москва: НИУ ВШЭ — Школа лингвистики факультета гуманитарных наук, 2015.

Уханова 2009 — *Е. В. Уханова*. О становлении новгородского книгописания в XI — начале XII в. // Хризограф. Вып. 3: Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи. Труды международной научной конференции. Москва, 5–7 сентября 2005 г. / Э. Н. Добрынина (сост. и отв. ред.). М., 2009. С. 204–237.

Филин 1972 — *Ф. П. Филин*. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк. Л., 1972.

Чекман 1973 — *В. Н. Чекман*. Генезис и эволюция палатального ряда в праславянском языке. Минск, 1973.

Щепкин 1899 — *B. H. Щепкин*. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1899.

von Arnim 1930 — *B. von Arnim*. Studien zum altbulgarischen Psalterium Sinaiticum (=Veröffentlichungen des Slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin, 3). Leipzig, 1930.

Birnbaum, Schaeken 1997 — *H. Birnbaum, J. Schaeken*. Das altkirchenslavische Wort. Bildung — Bedeutung — Herleitung. Altkirchenslavische Studien, I (=Slavistische Beiträge, 348). München, 1997.

Diels 1932 — *P. Diels*. Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch (=Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher. I. Reihe: Grammatiken. 6. Altkirchenslavische Grammatik). Heidelberg, 1932.

Jagic 1886 — *V. Jagic*. Menaea septembris, octobris, novembris, ad fidem vetustissimorum codicum (=Памятники древнерусского языка. I). Petropoli, 1886.

Koneski, Vidoeski 1983 — *B. Koneski*. A Historical Phonology of the Macedonian Language, with a survey of the Macedonian dialects and a map by B. Vidoeski (=Historical Phonology of the Slavic Languages, 12). Heidelberg, 1983.

Leskien 1969 — *A. Leskien*. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik — Texte — Glossar. 9. Aufl. Heidelberg, 1969.

Lunt 1949 — *H. G. Lunt*. The Orthography of Eleventh Century Russian Manuscripts. Ann Arbor (Michigan), 1949.

Lunt 2001 — *H. G. Lunt*. Old Church Slavonic Grammar. 7th ed. Berlin, New York, 2001.

Mareš 1969 — *F. W. Mareš*. Diachronische Phonologie des Ur- und Frühslavischen (=Slavistische Beiträge, 40). München, 1969.

Marguliés 1927 — *A. Marguliés*. Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis (=Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher. III. Reihe: Texte und Untersuchungen. 4: Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis). Heidelberg, 1927.

Marti 2000 — *R. Marti*. Die Bezeichnung der Vokale in der Glagolica // Glagolitica. Zum Ursprung der Slavischen Schriftkultur (=Österreichische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse. Schriften der Balkan-Kommission, philologische Abteilung. 41) / H. Miklas (Hrsg.). Wien, 2000. S. 54–76.

Marti 2004 — *R. Marti*. Die Bezeichnung der Konsonanten in der Glagolica // Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske akademije i 50. obljetnice Staroslavenskog instituta (Zagreb — Krk 2.–6. listopada 2002) / M.-A. Dürriegl, M. Mihaljević, F. Velčić (ur.). Zagreb; Krk, 2004. S. 401–418.

Mladenov 1929 — *S. Mladenov*. Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin, Leipzig, 1929.

Nuorluoto 1994 — *J. Nuorluoto*. Die Bezeichnung der konsonantischen Palatalität im Altkirchenslavischen. Eine graphematisch-phonologische Untersuchung zur Rekonstruktion und handschriftlichen Überlieferung (=Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik, 24). München, 1994.

Reinhart 2002 — *J. Reinhart*. 2002. Morphologische Innovationen des Altkirchenslavischen // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2002. Bd. 48. S. 133–148.

Reinhart 2011 — *J. Reinhart*. Die Chronologie der Entstehung der sekundären Jerlaute im Serbokroatischen (Bosnischen, Kroatischen und Serbischen) // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Bd. 57. 2011. S. 165–178.

Schaeken, Birnbaum 1999 — *J. Schaeken, H. Birnbaum*. Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte — Laute und Schriftzeichen — Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionsmustern) (=Slavistische Beiträge, 382). München, 1999.

Steinke, Ylli 2010 — *K. Steinke, Xh. Ylli*. Die slavischen Minderheiten in Albanien. 3. Teil: Gora (=Slavistische Beiträge, 474). München; Berlin, 2010.

Vachek 1964/1939 — *J. Vachek*. Zum Problem der geschriebenen Sprache // A Prague School Reader in Linguistics / J. Vachek (comp.). Bloomington (Indiana), 1964. P. 441–452 (впервые: Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 8. 1939. P. 94–104).

Vondrák 1912 — *W. Vondrák*. Altkirchenslavische Grammatik, 2. Aufl. Berlin, 1912.